

дого из направлений. Это сказывается и в советском языкознании, где по вопросу о фонологии идет долгий спор, не давший пока ощутимых результатов.

Мнения расходятся коренным образом прежде всего в отношении самого определения фонемы.

Как было сказано, т. Шаумян поставил перед собой большую и трудную задачу, но, к сожалению, с ней не справился. Помимо недостатков статьи, которые были подвергнуты резкой критике в выступлениях Р. И. Аванесова, А. А. Реформатского и А. Г. Спиркина¹, затронем еще некоторые вопросы.

Однако прежде чем перейти к этому, мы считаем своим долгом сказать, что с большинством критических замечаний мы вполне согласны.

Особенно это относится к методологической основе статьи т. Шаумяна, метафизической и идеалистической от начала до конца.

Центральным пунктом статьи является понятие фонемы.

Помимо признания фонемы звуковой единицей, т. Шаумян выдвигает положение о знаковой природе фонемы. Он об этом так и говорит: «Фонема есть звуковая единица, служащая знаком для различения слов и в силу своей знаковой природы характеризующаяся определенной совокупностью дифференциальных признаков и специфическими функциональными границами» (стр. 331).

Можем ли мы признать знаковой характер фонемы? Мы думаем, что не можем. Не можем в силу того, что каждый знак, с точки зрения марксистской философии, должен иметь реальный объект обозначения. Не существуют знаки сами по себе, а они связаны с обозначаемым ими. Каждый знак имеет внутреннее содержание, которое определяет необходимость существования знака. Взятый сам по себе, каждый знак становится выражителем, внешней формой существования его внутреннего содержания.

Слово, например, по своему звуковому составу являясь знаком для обозначения предмета или явления, отраженного в понятии, имеет внутреннее содержание, смысл, взятое отдельно. Можно привести более элементарный пример: красный цвет как знак предупреждения опасности выступает как таковой независимо от того, будет это сигнал светофора или красный платок. В этом случае также знак выступает как выразитель внутреннего содержания. Фонемы же, взятые сами по себе, внутреннего содержания не имеют; кроме, конечно, тех случаев, когда звуки выступают в качестве отдельных слов.

По Шаумяну, фонемы являются знаками для различения слов (заметим, кстати, что т. Шаумян отбрасывает способность фонемы различать грамматические формы слов). Фонемы не являются знаками для различения слов, так как слова различаются прежде всего тем, что соотносятся с разными явлениями, предметами и т. п. окружающего нас мира, а не тем, что в них используются разные звуки. Если мы в слове, обозначающем «стол», заменим гласный, получим слово *стул* и начнем применять его к «столу», то получится расстройство коммуникации, о которой остроумно писал проф. А. С. Чикобава². Изменение звука даст нам другое слово, которое мы не сможем применять, не изменив объект, обозначаемый этим словом. Короче, не фонемы являются знаками для различения слов, а сами слова по своему звуковому составу являются знаками, обозначающими предметы, действия, качества и т. п.

Если бы фонемы являлись знаками для различения слов, то не было бы в языке слов-омонимов, так как возможности речевого аппарата человека очень велики, и абсолютно разные понятия, передаваемые сходными по

¹ См. «Изв. АН СССР, Отд. лит-ры и языка», 1952, вып. 5.

² А. С. Ч и к о б а в а, Учение И. В. Сталина о языке как общественном явлении, сб. «Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина», изд. МГУ, М., 1952, стр. 68.